

Александр Гребёнкин

ВОРОН

повесть - легенда

12+

Александр Гребёнкин

Ворон

«Автор»

2015

Гребёнкин А.

Ворон / А. Гребёнкин — «Автор», 2015

Уже немолодой инженер, страдающий от тоски и одиночества, находит воронёнка, вывалившегося из гнезда. Он так привязывается к нему, что решается пойти к магу с просьбой превратить птенца в мальчика. Но какая судьба ожидает его сына в людском мире?

© Гребёнкин А., 2015

© Автор, 2015

ВОРОН

Повесть – легенда

Время действия: начало XX века.

«Падение пера из крыла птицы производит гром на Дальних мирах».

«Агни – Йога»

ПРОЛОГ. НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЦИРК

В начале лета весь город был взбудоражен предчувствием необычного зрелища.

Залетевший с юга ветер трепал афиши, вырывал из рук уличных торговцев газеты с волнующими строчками о необыкновенном цирке.

Жадные руки скучающих людей нетерпеливо распахивали плавно летящие по ветру, машущие крыльями газеты, где большими буквами значилось о приезде цирка «Цефей». Особенно влекло людей к кассам обещание приезда знаменитого мага и чародея Монтадо.

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР МАГИИ И ВОЛШЕБСТВА!

ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ПРОГРАММА НЕПРЕВЗОЙДЕННОГО МАГА МОНТАДО. ЛЬВЫ, ИГРАЮЩИЕ НА ФЛЕЙТАХ. ЗАЙЦЫ – БАРАБАНЩИКИ. ОСЕЛ – ТРУБАЧ. ВОЛК – СКРИПАЧ... НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ. МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ЖЕЛАНИЙ. ПРИГЛАШАЕМ ВАС В МИР ИЛЛЮЗИЙ И ТАЙН, ЗАГАДОК И РОМАНТИКИ!

Взбудораженные люди часами выстаивали у касс, споря о магических способностях Монтадо.

– Так ведь это же все обыкновенная дрессировка, – заявляли одни.

– Обыкновенная дрессировка? Не скажите! По своим природным способностям эти звери не могут играть на инструментах. Да и собрать вместе их невозможно! Перед нами волшебство чистой воды! – говорили другие.

За три дня до представления все билеты были раскуплены.

В тот счастливый летний вечер нарядно одетая толпа двигалась в направлении празднично сияющего здания, где разместился и давал представление новый цирк.

Гирлянды огней сверкали в фонтане. Артисты в цилиндрах, во фраках и атласных жилетах радостно встречали зрителей у входа, раздавая им программки. Надувались разноцветные воздушные шары, предлагались пицалки, дудочки и вкусные петушки на палочках.

Гремел оркестр. Пахло опилками, дикими зверями и дамскими духами.

Когда представление началось, сотни лиц затаили дыхание, наблюдая среди мерцания огней, то за воздушным полетом серебряных гимнастов над манежем, то за канатоходцами, которые с обезьяньей ловкостью пробегали, точно пауки, по тонким струнам канатов. Силач, весь в бугристых, пляшущих под коралловой кожей мышцах, важно жонглировал тяжелыми гириями. Смешные и нелепые Рыжий и Белый клоуны до слез потешали публику, но и сами проливали из нарисованных глазниц немалые ручейки, превращающиеся по ходу в разноцветные мыльные пузыри. Затем они хватили эти молочные облачка и, размахивая ногами, подлетали над ареной.

Гибкие, как пантеры, акробаты под горячие зрительские аплодисменты красиво выполняли в воздухе сложные сальто.

Затем зазвучала музыка Штрауса, зал замер: шесть стройных, белых лошадей, танцующих вальс, покорили зрителей изяществом и красотой. Волшебная картина! Многие сомневались: не сон ли это?

Лошади исчезли, а на смену им появился белый пудель Вирто – отличный знаток арифметики. На вопрос «Сколько у Вирто глаз?» – пес лаял два раза. «Ну, а сколько у Вирто хвостов?» – уверенно лаял один раз.

Великолепные, изящные наездницы, выполнявшие джигитовку, покорили публику, навечно оставшись в памяти даже самых взыскательных зрителей. В них нельзя было не влюбиться!

Но все ждали главного гостя сегодняшней программы – знаменитого мага – иллюзиониста Монтадо.

Он появился перед зрителями, как и положено волшебнику. Монтадо внезапно возник из ничего, прямо в воздухе, слегка напугав униформистов. В полной темноте он излучал бледное сияние. Цирк замер, осторожно и волнительно дыша.

Под «Nocturne» Шопена маг стал спускаться по невидимым ступенькам, медленно и важно, в белоснежной сияющей сорочке, узком камзоле, богато вышитом и украшенном, рукава которого были отвернуты, как манжеты, узких панталонах, шелковых чулках, в шляпе и плаще через плечо.

Черные вьющиеся волосы, словно широкие ленты, спадали на плечи. В руке у него был блестящий посох с почками, сияющими зелеными огоньками.

Одним взмахом своего волшебного посоха он заставил женщин, сидящих в зале, зарумяниться – их руки украсились алыми розами. Гром аплодисментов был ответом магу, и он тут же добавил гвоздики к фракам, пиджакам мужской части зрителей.

Далее маг, к тому времени уже спустившийся на арену, и усевшийся со своим посохом в высокое кресло, образовал вокруг себя волнистый ковер, который вскоре чудесным образом превратился в озеро, в бирюзовой воде которого плавали лебеди, тут же обратившиеся нимфами в белоснежных одеяниях. Сам маг восседал на кресле, как на острове, руководя всем волшебным действием. Вот аплодисменты, новый взмах – и все синие воды озера вдруг устремляются вверх и, затем, падают на арену (на которой кресло превратилось в домик), кристалликами снега...

Далее Монтадо порадовал людей необыкновенными фокусами, а представление завершился волшебный оркестр зверей, которые сыграли «*Мари Радецкого*» Иоганна Штрауса, чем немало удивили и повеселили зрителей.

А когда подуставший маэстро вошел в свою комнату и стал снимать жарковатый для него костюм, то внезапно остановился, и глядя на шкаф, негромко сказал:

– Долго собираетесь там сидеть?

Из-за шкафа вышел бледный худощавый мужчина с небольшой щеточкой усов. Он смахивал со своего одеяния пыль.

Маг указал ему посохом на полуоткрытое окно, за которым возвышалось ветвистое дерево.

– Потрудитесь покинуть комнату таким же способом, как вошли сюда...

Но его остановил несчастный взгляд посетителя.

– Умоляю вас выслушать меня, – сказал пришелец.

Маг внимательно посмотрел в глаза гостя. На какое-то время наступило полное молчание. Пришельцу казалось, что его гипнотизирует взгляд гюрзы.

– Вы понимаете, о чем просите? – спросил Монтадо.

Мужчина сложил умоляюще, по-индийски руки:

– Но вы же все можете...

– Могу... Но за обвалы в дальних мирах ответите вы!

Они говорили, явно понимая друг друга, хотя вслух не договаривали...

– Вы хотите сына...

– Именно. Я заплачу...

Посетитель имел жалкий вид.

Маг вздохнул, повернулся и закрыл дверь на ключ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Выдумка – это возлюбленная разума»

Юрий Олеша «Зависть»

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПТЕНЕЦ

Серебряный звон весны тревожил струны души, кружил голову запахами акации, сирени и яблонь.

Несмотря на красивый день, инженер Савелий Павлович Одинцов был грустен. Он шел неспешным шагом со службы домой и думал о том, что весна лишь подчеркивает его неприкаянность и одиночество. Замечательная, пробуждающаяся ото сна природа, должна была бы радовать, волновать, манить, но, сквозь всю красоту дня, Савелий Павлович постоянно возвращался к мысли, что он один и никому не нужен.

Птенца он заметил сразу. Черный длиноклювый комочек, со слипшимися перышками, ковылял беспомощно по тротуару, волоча перебитое крыло, отчаянно попискивая.

Одинцов оглянулся, посмотрел вверх на деревья. Птенец явно выпал из гнезда. Но ни каких – либо гнезд, ни взрослых птиц, предьявляющих родительские права, замечено не было. Тогда Одинцов взял вороненка, завернул в тряпицу и отнес домой. Он шел и чувствовал, как в его кармане бьется и пульсирует жизнь. Птенец вовсе не собирался кусаться или щипаться и позволил доставить себя без лишних хлопот.

Придя домой, Одинцов долго думал, что делать с птенцом, оставлять его или нет. Ему, человеку достаточно занятому, лишние заботы были ни к чему. Но глядя на забившегося в угол подоконника, спрятавшегося за горшком с геранью птенчика, Одинцов все же пожалел малыша и решил оставить его. Где-то от кого-то он слышал, что возвращать вороненка к своим нельзя – не примут, заклюют, погибнет...

И Одинцов решился взяться за воспитание птицы, тем более, что жил он одиноко и детей у него не было. Жена его оставила через год после свадьбы, сбежав с купцом Воротниковым, и с тех пор Одинцов жил совершенным бобылем.

Боясь, что вороненок загадит комнату, Одинцов ходил к своему давнему приятелю доктору Петру Якушеву и попросил у него большую клетку, в которой когда-то жил почивший затем попугай.

Он рассказал Якушеву о вороненке.

– Молодец, что подобрал. А то ведь он мог погибнуть. Только вот что, чем ты кормишь его? – спросил добросердечный и изобретательный Якушев.

– Дал ему пару хлебных мякишей да попить воды. Он ведь не ест ничего сам, забился в угол комнаты и сидит, двигается маловато. Пришлось клюв насильно разнимать, чтобы мякиши втолкнуть, – сказал Одинцов.

– Ты погоди, – задумчиво сказал Якушев. – Кажется, хлебом – то кормить его нельзя... Да, вообще, нужно посмотреть, не болен ли он? Ты сейчас иди домой, носи клетку, а я у Свирипы спрошу, заодно в Энциклопедию загляну. Я найду к тебе...

Свирипа был ветеринаром, а что касается Якушева, то Одинцов ему полностью доверял. Якушев был обязательным человеком с авантюристической жилкой, очень увлекающимся. Жену он похоронил еще в прошлом году, дочь была замужем в другом городе и об отце забыла. Так что Якушев был свободен и готов был помочь кому угодно.

Возвращающегося Одинцова окликнул мальчишка – продавец газет. Он вручил ему записку.

Дома Одинцов посадил спящего птенца в его новое жилище, поставил ему в малюсеньком блюдечке воды, а затем вскрыл конверт. Письмецо было, конечно же, от Глафиры, с которой Одинцова связывали тесные отношения. Одинцов уже начал остывать к навязчивой и скользкой Глафире, способной лишь дарить наслаждение, да обманывать мужа. Но все же фигуристая Глафира по-своему была мила и забавна, и сказав себе «*в последний раз*», Одинцов оправился к этой жгучей брUNETке с приятной родинкой на щеке.

Глафира сегодня была яркой и медоточивой. Муж уехал на скачки в другой город, и она радостно принимала Одинцова, приказав немой горничной Устинье поставить самовар.

Стаскивая с себя тонкие парижские одежды, Глафира мило лепетала, и, наконец, голова Одинцова утонула в океане ее обширной и упругой плоти...

...Глядя на пребывающую в полудреме Глафиру, Одинцов не мог отвязаться от мысли об оставленном в клетке одиноком птенце, поэтому осторожно выкарабкался из теплой постели и стал одеваться. В полуоткрытое окно веял свежий вечерний ветерок, пахло медом акаций и углем (неподалеку был железнодорожный вокзал). Распрощавшись с удивленной Глафирой, отказавшись от чая, Одинцов поспешил домой.

Он не стал дожидаться редкого гостя – трамвая, взял извозчика. Но опоздал – записка в ящике извещала, что Якушев приходил, и что он придет вновь следующим вечером.

Вороненок сидел безучастно в углу клетки, временами оживая, и тогда из-под желтого, покрытого пленкой века, блистал черный мутный глазок.

Поздно вечером птенец дрожал и был горяч.

Одинцов с досадой отложил газету, которую держал в руке, покрыл птенца полотном и заботливо грел, затем дал ему сухой перловой каши, оставшейся от завтрака.

Птенец затих. Успокоившийся Одинцов прилег на диване прямо в домашнем халате, укрылся одеялом и потихоньку задремал.

Ночью он проснулся с тревогой. За темно-синим окном тихо журчала флейта дождя.

Одинцов зажег лампу. Рядом лежала пустая тряпица. Одинцов стал исследовать территорию своей комнаты. Он нашел нахохлившуюся птицу в углу; она защищалась черным крылом и била когтистыми лапками по паркету.

Одинцов, осторожно открыв слабый клюв птицы, влил в него молока и дал ей еще немного каши. Тщательно вымыв руки, Одинцов посмотрел на едва капающий дождик за окном, затем лег, но забылся лишь под утро.

Утром проспавший Одинцов торопился на службу, но заметил, что птенец немного оживился. Он взъерошился, потягивал крылья и чистил перья.

– Ну, сиди здесь, не балуй, а мне на службу, – сказал Одинцов птице, и та повернула голову с длинным клювом, посмотрела на него черными горошинками глаз, как будто понимала.

Одинцов поспешил в контору.

Вечером раздался звонок, и в дом вошли Якушев с ветеринаром Свирипой. Свирипа был бледен, худ и ходил словно циркуль, а маленький плотный Якушев много говорил:

– Ну, как твой питомец? Вот доктора привел к нему, как обещал. А, вот где он, шельмец! Еще не подох? Михайло, глянешь?

– Ну-с, ну-с, – сказал Свирипа, надев пенсне, протягивая бледные худые и длинные пальцы к птенцу. Руки Свирипы явно не понравились вороненку, он стал клеваться.

– А, сопротивляешься, значит жить будешь, – хрипловато протянул Свирипа. Преодолевая бурное сопротивление и возмущение, ветеринар внимательно осмотрел пернатого пациента.

– Подойдете в аптеку, купите вот эти порошки, – сказал Свирипа, когда птенец уже вернулся в клетку. И чиркнул что-то на бумаге.

– И вот так давать. С водой, – заключил он.

– Так это ж для человека, – промолвил Одинцов.

– А оно и для человека, и для птицы служить может, – добавил Якушев, читая через плечо Одинцова записку.

– А насчет кормления – никакого хлеба, – заявил Свирипа. – Ничего мучного. Избегать сахара и соли.

Тут же сразу встрял Якушев:

– Да, вот что написано в книге. Давать нежирный творог, яйца вареные измельченные, можно отварить капусту...

Свирипа посмотрел на часы на цепочке.

– Да не мешает перетереть на терке яблоки, морковь.

Одинцов спросил:

– Так кто же передо мной: самец, или самка?

– Это определить трудно-с, – задумчиво ответил Свирипа, собирая вещи.

– В Энциклопедии написано, что самец крупнее самки, его клюв имеет более изогнутую форму с хорошо просматривающейся горбинкой, лоб немного сглажен. При осмотре тела можно заметить более массивные суставы и резкие изгибы тела. Самки ворона немного меньше размером, клюв обычно небольшой и практически не видна горбинка, переход ото лба к клюву сильно выражен. Крылья и хвост в соотношении с пропорциями тела небольшие, – быстро говорил Якушев.

Они стояли перед Одинцовым – длинный Свирипа и маленький, круглый, но ловкий Якушев, и Одинцов вдруг почувствовал нежность и благодарность к этим людям, озаботившихся, казалось бы, сущей безделицей, и пришедших к нему на помощь.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИСКУШЕНИЕ

Постепенно вороненок окреп, стал вести себя увереннее и свободнее. Он стал самостоятельно питаться, с удовольствием поедая зерно, кусочки мяса, рыбы, но особенно любил творог, сырые и вареные яйца. Он так привык к Одинцову, что свободно сидел у него на руке, летал по комнате, самостоятельно возвращаясь в клетку по зову хозяина.

Но с поведением ворона не все было ладно! Оторванные кусочки обоев и разорванные книги, пробуждение на рассвете от криков птицы были еще только «цветочками».

Гораздо большие сложности возникали тогда, когда вороненок вылетал наружу. Тогда он таскал из открытых окон соседей все, что плохо лежит. Пришлось изолировать маленького разбойника в клетке.

Разлитый в воздухе свежий медвяный запах, красота роскошного ковра цветов, манили жителей города с красными черепичными крышами в волнующееся под ветерком море природы.

В это воскресенье, далеко за городом, у небольшой рощи, на изумрудной молодой траве отдыхало несколько человек. Худой и длинный Свирипа, поблескивая стеклышками своего неизменного пенсне, помешивал в подвешенном котелке ароматный кулеш.

На развернутом кесабе, прикрыв от солнца шалью пышную грудь, возлежала жена Свирипы Ксения, вяло наблюдавшая за своей дочкой Ларисой, чьи рыжеватые кудряшки отливали на солнце золотом. Она весело бегала по лужку с сачком.

Рядом раскладывала карты жгучая брюнетка Глафира. Ее муж Корней Васильков механически обмахивал ее веером, отгоняя мелкую мошку и почти что дремал, потому не заметил, как ветренная Глафира посылала воздушный поцелуй Одинцову, носившему вместе с Якушевым ветки и сучья для костра.

Наносив целую гору, Савелий Одинцов решил уйти подальше от назойливой Глафиры. Он взял удочку с необходимыми принадлежностями и отправился к реке.

Зеленая стена ровного камыша встретила его болотистым запахом. Подобравшись поближе к воде, распугав лягух, Одинцов забросил удочку и уселся, облегченно вздохнув. Наконец-то он остался один, далеко от двусмысленной ситуации, связанной с Глафирой. Кто же знал, что в последний момент за нею еще и муж увяжется? Кроме того, на душе, что называется, «кошки скребли».

В стоячей черной, как сажа, воде, клевало слабо.

Зашумел камыш, зашелестела трава. Размахивая тоненькой веточкой, к Одинцову шел Якушев.

– Ну как, словил чего? – спросил он.

– Да так, мелкая рыбешка есть... – вяло отозвался Одинцов.

– Ты чего от других тут спрятался? – спросил Якушев с укоризной. – Небось из-за Глафиры?

– И из-за нее тоже. Терпеть не могу этого ее франта – мужа. Гонора у него хоть отбавляй, а сам – так, пустое место. И зачем она его с собою потащила?

– Скорее всего Корней сам за нею увязался. Может быть чувствует что-то, – сказал Якушев.

Савелий вздохнул.

– Вот я и ушел куда подальше. И вообще, в последнее время у меня только и мыслей, чтобы поскорее закончить эти отношения с Глафирой...

– Что, никак поднадоест успела? – иронично спросил Якушев.

– Да как-то несерьезно все это, – хмуро сказал Одинцов. – Мы, по сути, чужие друг другу люди и, кроме альковных дел, нас ничего не связывает.

Якушев легонько бросил веточку в воду.

– Тише, рыбу распугаешь, – сказал Одинцов.

– Ну, ты – то носа не вешай, – сказал Якушев. – На Глафире жизнь не кончается! Ты молодой еще, здоровый...

– Да как-то бесперспективно все... Вот только птица моя. Она –то в последнее время и радуется...

– Да, кстати, как там твой питомец? – спросил Якушев.

– Учится не по дням, а по часам. Смышленный. На руку садится. Вот только выпускать боюсь. Как – бы не улетел и не заклевали. Что я потом буду делать? Совсем один!

Якушев внимательно посмотрел на Одинцова.

– Да, я вижу ты не на шутку привязался к нему.

Одинцов замялся.

– Да, ты знаешь, что один я на этом свете. Родитель давно помер, матушку я не знаю. Для меня любое существо рядом важно. Пусть даже птица... Моя же краса сбежала, так никого и не оставила.

– Шельма, – вдруг злобно сказал Якушев. – А могла бы и оставить... Зачем ты ей аборт организовал?

Одинцов обернулся к нему встревоженно.

– Что? Какой аборт?
– Ну, у нее же беременность была... Ты что не в курсе был?
– Нет. Она ведь ушла тогда к Воротникову, вернее он ее увез.
– Ну да, а потом приходила ко мне, якобы от тебя. Просила прервать беременность, найти врача. Ну я и нашел ей...

Одинцов встал.

– Она не могла тогда забеременеть от Воротникова! Значит она убила моего ребенка. Моего сына! А ты? Зачем, зачем, ты помог ей в этом!?

– Ну откуда я знал? – развел руками Якушев. – Я думал, пришла она от тебя. А потом мы конечно же не оговаривали эту ситуацию... Оно и понятно – дело, так сказать, деликатное, интимное, чего его ворошить...

– Вот мерзавка! – прошептал Одинцов. – Ну, вот видишь. Подвела она меня по жизни. И теперь один совсем, без детей... И не будет у меня наследника!

Помолчали. Ветерок создавал рябь на темных водах реки, покачивая плавающие листики, словно кораблики.

– Ну, не печалься, – произнес Якушев, после долгого молчания. – Знал бы я тогда, не повелся бы на ее просьбы.

Одинцов повернулся. В его туманных глазах блестели льдинки.

– Да пусть бы родила и оставила мне. Уж я бы воспитал. Вот теперь у меня никого, кроме моего вороненка нет. Была бы возможность превратить его в человека, в своего сына – как я рад был бы!

Якушев привстал. Его круглое лицо казалось розовым в лучах солнца.

– Слушай, я тут припомнил одну вещь. «Материализация фантазий», – медленно сказал он.

– Какая еще материализация?

Какое-то время они следили за пролетевшим аистом.

– Слушай, ты читал, что в наш город приезжает маг – иллюзионист Монтадо? – спросил Якушев.

– Ну, слышал... Тот, кто все может?

– Ну да. Он же занимается материализацией фантазий.

– Ну и что?

– Как что? Пусть превратит твоего Карлушу в человека.

– Да ты в своем уме? Разве это возможно?

– Вот и нужно разузнать.

Шелестя травой, кто-то шёл к ним. Это была Ксения, помахивающая шляпкой с алым бантом.

– А, вот где спрятались милые наши рыбаки! Кулеш готов! Вас ждем-с...

И широко улыбнулась, блеснув рядом алебастровых зубов.

– Идем уже, – тяжело вздохнув, хмуро сказал Одинцов, вставая.

– Ладно, после поговорим. Я разузнаю, что к чему. А пока никому ни слова, – энергично зашептал Якушев.

Сегодня Савелий Павлович решил посидеть дома, отдохнуть от службы.

Он кормил вороненка, создавая ему искусственные препятствия и наблюдая, как эта умная птица находит способы клювом откупорить пробку, чтобы напиться воды, или развернуть бумагу, чтобы отвесть лакомства.

Затем он навернул на исцарапанную руку кусок кожи, чтобы Карлуша мог на ней сидеть и общаться с ним, издавая резкие гортанные звуки.

За окном грохнула громовая волна, казалось, что сотряслось темно-фиолетовое небо. Запахло электричеством, водой и свежей пылью.

Савелий видел, как из остановившейся пролетки выскочил Якушев, и, подняв ворот пиджака, придерживая от внезапного ветра с дождем шляпу, бежал к его дому. Дождь сыпал водяным порошком, маленькие полноватые ноги Якушева смешно перебирали мокрые камни дороги, спеша к спасительному уюту дома. Вот его шаги зашаркали по деревянной лестнице, зазвонил дверной колокольчик.

– Уф, еле успел, сейчас начнется, – произнес Якушев, отряхиваясь. – Надо же, забыл взять зонт.

– Ничего, пока у меня пересидишь. Грозы коротки, – сказал Одинцов, помогая ему снять влажный пиджак.

Через пять минут за стенами дома бушевала водно – ветреная стихия.

Острые стальные стрелы прорезали небо, били в землю, освещая внезапными высверками потемневший город. Трещали и гнулись деревья.

Якушев рассказывал за чашкой чая то, что ему удалось узнать об иллюзионисте Монтадо.

– Вот афиша. Смотри: НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ АРТИСТОВ МАГА МОНТАДО. ЛЬВЫ, ИГРАЮЩИЕ НА ФЛЕЙТАХ; ЗАЙЦЫ – БАРАБАНЩИКИ... Какое волшебство!

– Петр, я вот думаю – волшебство ли это? Разве так бывает в наш просвещенный век? – сказал Одинцов.

Якушев ухмыльнулся.

– Еще и как бывает! Как там у Шекспира? *«Есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости, Гораций, и не снилось»*.

Савелий замыслился на мгновение.

– Ну да, как в оккультных романах... Сии книжечки мне доводилось листать. Чего там только нет – маги, вселенская борьба божественных и сатанинских сил, реинкарнация...

Якушев поднял брови:

– А почему нет? Ведь идея всех последователей госпожи Блаватской – взаимозависимость скрытых сил в человеке и космосе, тайны первородной материи... Почему ты не видишь здесь связи?

Помолчав, Одинцов сказал прямо:

– Ты, думаешь, что если обратиться к этому Монтадо, то он сможет превратить нашего Карлушу в человека?

– А почему бы не попробовать? Я знал, что такой вопрос возникнет, – сказал Якушев. – И посему, кое-что еще припас для тебя.

– Что это?

Одинцов увидел, как Якушев достает что-то из кармана пиджака, висевшего на спинке стула. Это была подмокшая вырезка из газеты.

Якушев, отодвинув стакан, осторожно расправил листок на столе.

– Смотри, – он легонько ударил пальцем по листку. – Рассказ одной женщины. Достаточно знатной. Она родом из Сербии, какая-то местная графиня. Сын у нее тяжело заболел. И она, испробовав все лекарства, призвала на помощь этого Монтадо. Тот отнекивался, но она ему хорошо заплатила, он приехал и помог. Но как? Спасти умирающего он уже не смог. Тогда душу ее сына он переселил в тельце маленького скворца, совсем птенца! А далее, прошло пару месяцев, и скворец начал проявлять все способности человеческого разума. Даже слова из отдельных букв складывать научился!

– Быть может это «газетная утка»!

Якушев развел руками.

– Ну, тебе не угодишь! Во всяком случае можно проверить...

Одинцов отставил в сторону чашку, подошел к клетке, взял вороненка на руки. Тот сидел смиренно, склонив голову, перебирая лапками намотанную на руке Одинцова кожу, чтобы устроиться поудобнее, затем вспорхнул к столу, ступил пару шажков к печенье, осмотрелся, наклоняя голову, то в одну сторону, то в другую, и клюнул.

– Какой умница! – сказал Якушев.

Одинцов посмотрел на него. В глазах горел интерес.

– А что, действительно, давай попробуем.

Якушев вздохнул.

– Наконец-то...

– Только вот что... Этот Монтадо потребует немалую плату за свою работу...

– Эту проблему попытаемся решить, – сказал Якушев. – Я вот что подумал. Недавно я пользовал одну старую барыню. Меня к ней привезли как врача. Она живет в заглохшем, запущенном доме, совершенно одна. У барыньки лишь глуховатый слуга, да придурочная кухарка есть. Вокруг нее народ давно уже вымер. Зброшенные, пустые, полуразвалившиеся дома... Да и сама барынька скоро душу богу отдаст. Когда она расплатиться со мной хотела, то шкатулку открывала. А там у нее ценный перстень лежит...

Остожский высокоствольный лес дышал мерно и тихо, словно спящий зверь. Он вливался в окружающий его космос своей зеленой массой, соединяясь с серебром звезд и темным бархатом неба. Что-то шептали кустарники, вытягивались на ножках и снимали шляпки грибы, стелился и серебрился мох, тревожили ветви и кустарники ночные обитатели леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.